

ну вопроса первой стадии жестокой, протяженной и поразительно прибыльной цепочки производства и поставки кокаина.

Я сел на заднее сиденье «тойоты» и все не мог решить, открыть ли мне окно и окончательно промокнуть под дождем, или оставить его закрытым, наслаждаясь удушливым запахом протекающей канистры с бензином, что лежала в багажнике. Было решено приоткрыть окно самую малость, а затем передвинуться на середину, чтобы не попасть под водяные брызги. Мы тронулись. Город и без того находится высоко в горах, но нам предстояло взобраться еще выше — до 4 тысяч метров над уровнем моря, и преодолеть горное плато Альтиплано, расположенное в три раза выше, чем, например, столица Непала Катманду в Гималаях. Мотор надсадно рычит на серпантине. Бин Ладен оказался не слишком общительным собеседником и большую часть времени напевал себе под нос какую-то песенку. Мы едем сквозь густой туман, который местами прореживается, открывая взгляду покрытые снегом вершины на другой стороне горной гряды.

В Боливии кока выращивается в основном в двух областях: Чапаре, влажный регион в центре страны, где объемы производства растения резко выросли в последние годы вслед за растущими темпами продаж наркотика, и Юнгас, жаркий лесной район, раскинувшийся на северо-восток от столицы, культивация коки в котором продолжается уже многие века. Мы направляемся к последнему. Чем дальше мы спускались по восточному склону горы, тем жарче становился воздух и тем разнообразнее становилась растительность: от мха и лишайника у вершины до папоротниковых зарослей к подножию. Я старался отвлечься от опасной и сильно пугающей трассы на Юнгас, разглядывая долину. Именуемая местными «камино де ла муерте» — или «дорога смерти» — она представляла собой узкую, усыпанную гравием колею, бегущую по склону горы, слева от которой вниз уходило ущелье глубиной в триста метров. Бин Ладен уверенно преодолевает на «Ленд Крузере» слепые повороты, проезжает сквозь небольшие водопады, а я в это время сижу, нервно вцепившись в ручку правой двери, готовый выпрыгнуть в любой момент, как только машина начнет сползать в бездну.

К счастью, этого не потребовалось. Спустя несколько часов пути, часть из которых пришлось потратить на расчистку небольшого завала, мы, наконец, прибыли на место. Может, всему виной жутковатая дорога, но скромная деревушка Тринидад Пампа, в которой население числом не более пяти тысяч человек обитает в жалких домах из шлакоблока и гофрированного железа, показалась мне настоящим раем на земле. Вдоль дороги вместо типично голой обочины росли банановые деревья. Крутые склоны гор на севере и юге деревни изрезаны небольшими уступами, или террасами, метровой высоты. А дальше, через ущелья, горные вершины исчезали в густой пелене облаков на фоне темно-синего неба. Стоял теплый вечер, и я вышел из машины, с удовольствием потянувшись и размяв затекшие конечности, а затем направился к плантации на окраине. Без сомнения, там росли именно кусты коки. Это были растения с нежными миндалевидными листьями на аккуратных стеблях и мощными корнями, прочно закрепившимися в красноватой почве. Так выглядит причина многомиллиардных доходов и тысяч смертей. На каждом из множества уступов, лестниц спускающихся вниз по склону, зелело бесчисленное множество растений.

На перекрестке в центре города я встретился с Эдгаром Мармани, главой местного союза производителей коки, явившимся прямо с полей в покрытых грязью перчатках и сапогах. Союз нарко-фермеров? Почти в любой стране мира такая организация была бы признана незаконной, но только не в Боливии. Здесь, в отличие от других стран Латинской Америки, в отношении коки действует куда более мягкое законодательство. Лист использовался в хозяйстве еще задолго до прибытия сюда европейских колонизаторов. Некоторые добавляют его в чай, а иной раз и просто жуют как жвачку (в Боливии часто можно встретить рабочих, направляющихся по своим делам и жующих листья коки). В такой необработанной форме он производит лишь мягкий стимулирующий эффект, далекий от кокаина. Считается, что он помогает справиться с простудой, подавить голод и вылечить высотную болезнь — распространенные недуги на высокогорье. Во многих отелях гостям предлагается чай из коки. До недавнего времени

такая традиция существовала даже в американском посольстве. За завтраком я тоже попробовал этот напиток, но мне он показался лишь немногим крепче обыкновенного зеленого чая. Каждый год правительство Боливии выдает ограниченное количество разрешений на использование определенных посевных площадей в целях выращивания коки.

Любимый напиток моего собеседника — Мармани — это, как ни странно, не кока, а Пепси. Мы расположились у входа в небольшую забегаловку и заказали ее на двоих. Беседу я начал с типичного вопроса о том, как же вырастить хорошую коку. «Сперва нужно подготовить „вачус“, — сказал он, указывая на террасы на склоне холма. — Каждая из них выкапывается на полметра и очищается от камней. Каждый член нашего союза владеет в среднем десятью террасами, а площади крупнейших собственников могут превышать целый акр. Благоприятная погода и плодородная почва Юнгаса позволяет фермерам собирать урожай по три раза в год. Именно по этой, чисто экономической причине здесь не выращивают кофе — сами деревья куда более прихотливые, и даже при лучшем раскладе в год можно получить только один урожай. Единственный сложный сезон — это сезон неурожая (июль, август и сентябрь), когда совсем нет дождей, и фермеры „эстамос одидос“ — испытывают большие трудности. После сбора листья высушиваются на солнце и собираются в тюки по 20 кг — „такис“. Затем их отвозят на рынок Вилья Фатима, что в Ла Пасе — в одну из двух точек во всей стране, где коку можно законно продать. Каждый грузовой автомобиль имеет соответствующую лицензию, на которой указан перевозимый тоннаж и место производства».

В Боливии фермеров коки не просто уважают — их восхваляют, ведь даже сам президент страны Эво Моралес — бывший «кока-лери», как здесь называют аграриев. Однажды он нарушил всевозможные законы и правила, привезя мешок коки на очередное заседание ООН, где демонстративно жевал листья, призывая своих коллег пересмотреть международные конвенции, ставящие растение вне закона. Этот прецедент был частью масштабной политики против вмешательства западных стран в дела андских государств. В 2008 году Эво Моралес буквально прогнал амери-

канского посла вместе с представителями администрации по борьбе с наркотиками (DEA) из-за того, что они вмешались во внутренние дела Боливии. Несмотря на международные запреты, правительство страны по-прежнему поддерживает производителей разнообразной продукции на основе коки: от сладостей, выпечки и напитков до предметов гигиены. Управление отраслью осуществляет вице-министерство по делам коки, которое и устанавливает ограничения на ежегодные объемы культивации. Задача этого органа — добиться такого объема выращивания, чтобы его хватало на обеспечение обычных товаров, но, при этом, было недостаточно для производства наркотиков. Впрочем, эта система далеко не совершенна: по оценкам ООН, в 2014 году в Боливии насчитывалось порядка 20,4 тысяч гектар или 50,4 тысяч акров посевных площадей для коки, на которых возможно произвести около 33 тысяч тонн сухого листа. В том же году суммарный объем продаж на обоих легальных рынках составил 19,8 тысяч тонн, что на треть меньше расчетных объемов производства*. Очевидно, что остаток приходится на теневой сектор, а именно — на производство кокаина.

Именно из-за того, что картелям нужно сырье для производства наркотика, правительства нацелились на плантации, стремясь буквально зарубить бизнес на корню. С конца 1980-х годов при финансовой и практической поддержке со стороны США многие страны Латинской Америки направили свои усилия в борьбе с наркотрафиком на поиск и уничтожение незаконных ферм коки. С точки зрения экономики идея была проста: уменьшение объемов предложения приводит к дефициту продукта, что вызывает рост конечных цен. Но именно редкость и нехватка товара делает его дороже, как золото ценится больше серебра, а нефть — больше воды. Так, если множество людей хотят приобрести некий товар, но его было произведено недостаточно, приходится больше платить, чтобы получить желаемое. Правительства же посчитали, что если уменьшить объемы производства

* Plurinational State of Bolivia, Monitoring of Coca Cultivation 2014. UNODC. August 2015 (на испанском языке) на https://www.unodc.org/documents/bolivia/Informe_Monitoreo_Coca_2014/Bolivia_Informe_Monitoreo_Coca_2014.pdf.

коки, то стоимость листа станет куда выше, что аналогичным образом повлияет на издержки производства кокаина. А растущие цены на кокаин, в свою очередь, отнимут желание приобрести его даже у потребителей в развитых странах. Равно как и в случае с недавним поражением болезнью какао-деревьев, которая привела к значительному увеличению цен на шоколад по всему миру и вынудила любителей сладкого временно отказаться от своих пристрастий, ожидалось, что последующий за уничтожением плантаций коки скачок цен на кокаин приведет к снижению спроса на него.

В Колумбии и Перу, у которых складываются более теплые, чем у Боливии отношения с США, подобные меры доведены до предела. Вооруженным силам обеих стран было приказано уничтожать даже намеки на произрастающую коку, в том числе в условиях горной местности, значительно осложняющей выполнение задачи. Для этого были привлечены средства легкой авиации, которые сканировали территорию в поисках тех самых кокаиновых террас. И хотя аграрии научились лучше прятать свои посевы, государство стало еще эффективнее их находить. Сегодня власти используют даже спутниковую фотографию: специалисты изучают снимки в поисках незаконных плантаций коки среди массы обыкновенных банановых и кофейных садов. После фоторазведки в отмеченные регионы направляется пехота для уничтожения найденных плантаций. В Колумбии проблему решили проще, распыляя над посевами ядовитые химикаты, однако от этого пострадали и законопослушные фермеры. В 2015 году такую практику пришлось прекратить: власти страны получили предупреждение от ВОЗ о возможном распространении раковых заболеваний.

На первый взгляд, кампания против коки оказалась чрезвычайно эффективной. За последние 20 лет в Боливии, Колумбии и Перу были уничтожены многие тысячи квадратных километров незаконных плантаций, и это число продолжает расти каждый год. Например, если в 1994 году было сожжено около 6 тысяч гектар посевных площадей коки*, то в 2014 году эта цифра превысила

* World Drug Report 2006. UNODC. 2007 на <https://www.unodc.org/unodc/en/data-and-analysis/WDR-2006.html>.

120 тысяч гектар, большая часть из которых зачищалась вручную. Чтобы понять весь масштаб этой работы, представьте, что ежегодно вы четырнадцать раз пропалываете огород размером с Манхэттен (и при этом время от времени в вас стреляют). По самым приблизительным подсчетам ООН, на сегодня уничтожено более половины всех кустов коки, произрастающих в регионе Анд.

Для большинства других отраслей промышленности потеря 50 % производственных мощностей была бы невероятным потрясением. Однако рынок кокаина каким-то образом не просто смог выжить, но и восстановиться. Чем больше кустов коки власти сжигали и опрыскивали химикатами, тем больше новых саженцев размещали фермеры. В результате этого валовый объем производства почти не изменился. В 2000 году вслед за первым десятилетием активной войны с кокой, в южной Америке было успешно засажено новыми семенами более 220 тысяч гектар посевных площадей — примерно столько же, сколько и в 1990 году. Изредка отдельным странам удавалось на какое-то время вывести из строя кокаиновый бизнес. Например, в 1990 году в Перу было принято решение радикально сократить объемы легального производства. Однако картели быстро нашли другой источник сырья, вызвав небывалый бум культивации коки в Колумбии. Когда же власти этой страны удвоили свои усилия по борьбе с несанкционированными плантациями, те самые террасы вновь возникли в Перу. Аналитики из западных стран сравнивают подобную ситуацию с воздушным шаром: стоит сжать его в одном месте, он тут же надуется в другом. В Латинской Америке этот феномен называется более приземленным словом — «эффектом таракана». Преследование наркокартелей сродни выведению этих паразитов. Прогони их из одной комнаты, и они начнут размножаться в другой.

Сторонники тактики полного уничтожения, похоже, совершенно не замечают «эффекта таракана». Они по-прежнему уверены, что не обязательно полностью сводить на нет фермерство, а достаточно лишь сделать его менее рентабельным. Чтобы поддерживать прежние уровни производства в условиях столь жестких правительственных мер, фермерам нужно проводить за работой в полях куда больше времени, восстанавливая уничтожен-